

УДК 930.1

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Самохин Константин Владимирович – канд.ист.наук, доцент, доцент кафедры «История и философия» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

Почтовый адрес: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106, помещение 2.

Телефон: 8-4752-63-04-53

Аннотация. В статье охарактеризованы основные подходы к рассмотрению теории модернизации в современных исследованиях: критический, скептический и оптимистический. Проанализированы основные доводы, которые приводят представители названных подходов, для оценки модернизационной концепции применительно к истории России. Автор приходит к выводу о том, что полемика обусловлена преимущественно различным пониманием термина «модернизация». Однако это не снижает эвристического потенциала модернизационной парадигмы в качестве объяснительной модели для российской истории XVIII-XXI вв.

Ключевые слова: российская история, теория модернизации, историография, методология, эвристический потенциал.

RUSSIAN HISTORY WITH THE EYES OF MODERNIZATION THEORY:
HISTORIOGRAPHICAL ISSUES

Samokhin Konstantin Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, docent, associate professor of the Department “History and Philosophy”, Tambov State Technical University

Abstract. The basic approaches to modernization theory are characterized in the paper. They are critical, skeptical and optimistic ones. There are main arguments of representatives of these approaches for valuation of modernization theory to the

History of Russia. Author concludes that polemics conditioned by different interpretation of the term “modernization”. However it does not reduce heuristic potential of modernization paradigm as the interpretative model of the Russian History in 18th – 21st century.

Key words: Russian History, modernization theory, historiography, methodology, heuristic potential.

Теория модернизации является объектом для дискуссий среди отечественных ученых-гуманитариев различных научных направлений: ее эвристический потенциал оценивается историками, философами, политологами, социологами и др. Такие оживленные баталии, безусловно, имеют под собой серьезные основания. Само появление модернизационной концепции было вызвано политической подоплекой и связано с идеологическим противостоянием между СССР и США в период «холодной войны». США пытались использовать модернизационную парадигму в качестве навязываемой стратегии развития для стран третьего мира [3]. В ней Западная цивилизация представала в виде своеобразного паттерна, имеющего исключительное значение при определении конечного итога для формирования этих стран. Но в 70-е гг. XX века популярность теории модернизации упала в связи с тем, что многие развивающиеся страны поставленной цели достигнуть так и не смогли [8, с. 138-139].

Меняющаяся политическая ситуация в Советском Союзе и его сателлитах из Восточной Европы на рубеже 80-х – 90-х гг. прошлого столетия привела к смене методологической парадигмы в исторических исследованиях, что было связано с утратой формационным подходом первенствующих позиций и поисками отечественными историками возможных альтернатив для его замены [7]. В этих условиях они обратились в том числе и к теории модернизации, тем более что транзитарная модель для стран бывшего «социалистического лагеря» становилась на тот момент достаточно актуальной.

В начале XXI века мода на модернизацию постепенно сходит на нет, однако данный факт не означает, что исторические исследования, основанные на модернизационной парадигме, исчезли. В ходе уже обозначенных выше дискуссий были выявлены как слабые, так и сильные стороны модернизационного дискурса, сама теория модернизации прошла определенную эволюцию, что актуализирует ее основные положения в концептуальном плане на основе не столько сиюминутной ситуации, сколько более взвешенного подхода.

Целью данной статьи будет являться оценка эвристического потенциала теории модернизации применительно к истории России XVIII – XXI веков через рассмотрение существующих точек зрения на эту проблему в современных исследованиях. **Задачи** работы с учетом поставленной цели определяются следующим образом:

1. Охарактеризовать критический подход к теории модернизации при рассмотрении процессов, имевших место в отечественной истории.
2. Определить суть скептического подхода к модернизационной концепции применительно к истории России.
3. Выявить основные доводы представителей оптимистического подхода в защиту модернизационной концепции при рассмотрении социальной действительности Российского государства XVIII – XXI веков.

Существующие точки зрения, сформировавшиеся при оценке эпистемологических возможностей модернизационной парадигмы в отечественной гуманитаристике, группируются в три основных направления: критическое, скептическое и оптимистическое. К первому из них следует отнести получившую широкий резонанс работу Б. Г. Капустина «Конец “транзитологии”?» (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия)» [4]. В ней автор, характеризуя применение теории модернизации к истории России 90-х гг. XX века, выявил такие ее недостатки, как девелопментализм, линейно-эволюционистская интерпретация истории, жесткое противопоставление «традиции» и «современности» и др. [4, с. 8]. Безусловно, в данном случае следует согласиться с тем, что теорию

модернизации нельзя воспринимать как своего рода «кальку», которую можно наложить на историческое развитие абсолютно всех государств и социумов в любой период их развития. Ярким примером в данном случае будут попытки методологически обосновать объяснительную модель для процессов первого российского постсоветского десятилетия. В них социалистический уклад, построенный в советский период, отождествляется с традиционным обществом. Но тот же самый Б. Г. Капустин наметил для модернизационной парадигмы и перспективные направления развития: «Конечно, перенести это описание на нынешнюю Россию невозможно. Но можно поставить вопросы: (1) о специфической природе модернизационных процессов в разных сферах общественной жизни (вместо того, чтобы подводить их под единый стандарт); (2) о противоречиях между этими процессами (вплоть до того, что одни из них гасят и обращают вспять другие)...» [4, с. 23].

Еще одним отечественным историком, которого справедливо отнести к критикам теории модернизации, является В. П. Булдаков. Он в принципе выражает сомнение в надобности самой постановки вопроса о необходимости модернизационного развития России. В своих статьях В. П. Булдаков выявляет факторы, которые обусловили причины неудач Российского государства при реализации модернизационной стратегии. В частности, среди таковых называются сложившийся общинный природно-потребительский тип хозяйствования, который сдерживал инновационные порывы; институт крепостничества, оцениваемый как насильственный патернализм, исключавший свободное индивидуальное творчество; «идеология» Домостроя, которая в совокупности с народной утопией «социальной Правды» формировала идею «разумного достатка за счет собственного труда и самоограничения потребностей», противостоящую интенсификации в рыночных условиях; российская автаркия, препятствовавшая кросскультурным контактам и, тем самым, не дававшая возможность сформироваться такому социальному типу индустриального общества, как «разумный» индивидуалист;

православная основа духовного мира русского народа, существенно отличавшаяся от католичества и протестантизма в процессе формирования предпринимательской этики; сама российская государственность, предпочитавшая «иностранные заимствования развитию собственных производств», а также мобилизационный путь проведения преобразований, по сути подменявший саму идею модернизации.

В. П. Булдаков в целом констатирует практически полное прекращение к середине второго десятилетия XXI века публикаций, касающихся российского варианта модернизации, что наводит на мысль о снижении уровня популярности модернизационной концепции среди отечественных историков. По его мнению, данная тенденция стала следствием нежелания государства самоограничиться для выработки инновационного типа общественного сознания, что должно стать залогом успешной реализации модернизационной стратегии в современном Российском государстве [1, с. 79-82, 92].

Не сложно увидеть общие основания для критики не столько теории модернизации, сколько возможности реализовать ее как стратегию в современных российских условиях у обоих исследователей. Однако в методологическом плане модернизацию следует воспринимать именно в качестве концепции, имеющей, как и любые другие теории, определенные идеальные конструкторы [9, с. 118], которые при ее конкретном применении будут приобретать свои особенности. А необходимость выявления характерных черт при использовании модернизационного дискурса для объяснения определенных процессов в истории России подчеркивается обоими выше названными исследователями. Эти рассуждения подтверждают мысль о том, модернизационная концепция при соблюдении определенных условий может обладать серьезным методологическим потенциалом для проведения, в частности, исторических исследований.

В отечественной гуманитаристике при оценке эпистемологического потенциала модернизационной парадигмы сложилось еще и скептическое

направление. Представители этого направления во многом за основу берут доводы критиков. В череде скептиков следует выделить известного белорусского историка О. Г. Буховца. Он в целом солидаризируется с тезисами Б. Г. Капустина, констатируя факт отсутствия универсализма у транзитологических моделей [2, с. 48]. Последние, по его мнению, являются, в определенной мере, своеобразной перелицовкой теории модернизации [2, с. 35-36], но именно их активно и пытались применить к развитию России на рубеже XX–XXI веков отечественные исследователи. Однако О. Г. Буховец не отрицает возможности использования модернизационной концепции как объяснительной модели для реалий, имевших место на заключительной стадии существования Российской империи, а также в истории Советского государства с момента начала его функционирования и вплоть до середины прошлого столетия [2, с. 41-44].

Оптимистическое направление в отношении теории модернизации представлено трудами В. Г. Федотовой, Б. Н. Миронова и др. Первая отмечает ее значительный научный потенциал и, вступая в дискуссию с критиками модернизационной парадигмы, четко выявляет недостатки в их взглядах, которые фактически сводятся к трем базовым позициям: онтологизация теоретических конструкторов, антиисторизм и презентизм как разновидность последнего [9, с. 118]. Проводя анализ первого из них, российская исследовательница замечает, что концепты «традиционное общество» и «современное общество» являются в определенном смысле некими идеальными типами, не существующими в реальности, но обладающими сущностными характеристиками, которые позволяют объяснить саму логику перехода в классическом варианте теории модернизации [9, с. 118]. Суть антиисторизма фактически уже была определена нами выше при оценке позиций критиков модернизационной концепции: модернизация – это, прежде всего, теория, и неудачи при ее реализации как стратегии в странах «третьего мира» должны иметь значение преимущественно в практической плоскости. Последняя же по

степени своей результативности могла кардинальным образом отличаться от идеального конструкта в виде западного варианта индустриального общества [9, с. 119].

Характеризуя многообразие моделей модернизации, В. Г. Федотова, вслед за С. Хантингтоном, определяет четыре возможные пути развития, которые фактически свидетельствуют о многозначности термина «модернизация» (Кстати, В. П. Булдаков отмечает сложность применения модернизационной теории именно из-за такой многозначности [1, с. 76-77]):

1. Вестернизация без модернизации, когда модернизирующаяся страна лишь только внешне перенимает западный опыт, не усваивая при этом принципы и культурные особенности Западной цивилизации. При этом традиционное общество оказывается разрушенным, а переход на следующую стадию развития отсутствует [9, с. 159].

2. Модернизация без вестернизации, без изменения идентичности. В данном случае имеется в виду модернизация на собственной культурной основе, при которой национальная культура не проходит адаптации к задачам модернизации, а руководящая элита, осуществляя преимущественно технологическую модернизацию, адаптируется к этой самой национальной культуре [9, с. 159-160].

3. Догоняющее развитие, характеризующееся примерно равными пропорциями модернизации и вестернизации. Анализируя этот путь, В. Г. Федотова выделяет возможные причины его неудач, которые связаны, во-первых, с новой стадией развития Запада в современных условиях, что фактически меняет ориентир модернизационной стратегии; во-вторых, с попытками рекультуризации как отрицания собственной культуры, провоцирующими «неизбежные откаты назад» [9, с. 160].

4. Национальная (локальная) модернизация, которая оценивается как более адекватная, чем остальные, и осуществление которой возможно только при достижении определенного уровня вестернизации. Основной мотивацией правящих элит в данном случае будут национальные нужды, потому эта модель модернизации предполагает множество вариантов, а не единственный образец в лице Западной цивилизации [9, с. 160-161]. Такая трактовка модернизации, в частности, присутствует у одного из известнейших теоретиков данной концепции – Ш. Эйзенштадта [10].

Опираясь на этот теоретический фундамент, В. Г. Федотова с учетом соотношения архаики, традиции и инновации в историческом развитии России осуществляет его периодизацию, в которой выделяет пять временных интервалов: 1) VIII-XIII века как преобладание архаики; 2) XV-XVIII века – этап, во время которого сочетаются традиция, модернизация как обновление, вестернизация и инновации; 3) XIX век, когда на первый план выходит инновация, что приводит к догоняющей модернизации, в которой особая роль отводится реформам Александра II; 4) XX век, характеризующийся догоняющей модернизацией и посткоммунистической демодернизацией; 5) XXI век как время реализации национальной модели модернизации [9, с. 84-101].

Б. Н. Миронов фактически сам себя причисляет к разряду оптимистов, когда проводит классификацию современных отечественных исследователей на предмет их оценки модернизационной концепции применительно к истории Российской империи в XVIII – начале XX века. Он считает, что именно они – оптимисты – должны заняться клиотерапией, т. е. трезвым и объективным изучением российских институтов (определяемых Б. Н. Мироновым как обычаи и нормы поведения в обществе, которые имеют либо неофициальный характер, либо закреплены в форме законов, организаций и учреждений) с целью выявления и устранения свойственных им недостатков, а также поддержки и развития их достоинств [5, с. 17-18].

В своих трудах петербургский исследователь выделяет четыре возможные трактовки термина «модернизация», бытующие в современной научной парадигме: «1) переход от традиционного общества к современному (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); 2) процесс, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед, – синоним догоняющего развития; 3) преобразования, предпринимаемые отстающими странами с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 4) совершенствование в широком

смысле путем реформ и внедрения инноваций» [5, с. 38]. Б. Н. Миронов отдает приоритет из данных выше четырех значений первому.

При этом петербургский исследователь говорит о длительном пути, который прошла в своем развитии модернизационная концепция, пересмотрев «такие принципиальные характеристики модернизационного процесса, как необратимость, прогрессивность, протяженность, эволюционность, однолинейность, закономерность, случайность» [5, с. 41]. Современные ее приверженцы, по мнению Б. Н. Миронова, учли основные критические замечания, когда стали обращать внимание на национальные традиции; допускать мультилинейность с отсутствием фиксированного центра при движении к модерну; отмечать наличие конфликтов и внешних факторов при реализации модернизационной стратегии; включать фактор исторической случайности; признавать цикличность и обусловленность внешними и внутренними ограничениями; фиксировать важную роль социальных акторов для обеспечения перехода к модерности при помощи их волевого вмешательства; оценивать религию как инструмент социальных изменений; акцентировать внимание на мучительности и болезненности модернизационных преобразований; выделять такой критерий успешности реализации модернизационной стратегии, как улучшение условий жизни и обеспечение возможностей преодоления проблем для большего числа акторов; определять прямую зависимость успеха модернизации от степени соответствия «(а) между решениями и свершениями лидеров модернизации и целями, преследуемыми обществом, и (б) между культурными, политическими и экономическими целями и наличными ресурсами» [5, с. 40-41].

Сравнивая имперскую, советскую и постсоветскую модернизации Б. Н. Миронов выделяет наиболее дискуссионные моменты при обсуждении модернизационной концепции [6, с. 40-56]. Они состоят в следующем:

1. Обусловленность стратегий проведения модернизации: здесь большую роль играют характер трансформаций – эндогенность/экзогенность и

реформизм/революционность модернизационных процессов в России, а также акторы их проведения. Исследование последних в данном случае порождает такой аспект, как блокировка или препятствование российским авторитарным бюрократизированным государством модернизации как таковой, а это увязывается с ее насильственностью и элитарностью, а в конечном итоге – успешностью/неуспешностью итогов.

2. Соотношение русской традиции и западного модерна: этот вопрос фактически выводит на проблему сопротивляемости русского социума модернизации, что в принципе будет свидетельствовать о степени его готовности/неготовности к модернизационным преобразованиям.

3. Уровень российской специфики модернизации: данный момент должен рассматриваться в такой плоскости, как отличие национальной модели модернизации от общеевропейской, что могло накладывать на нее определенные ограничения в российской действительности имперского и советского периодов.

4. Датировка начала модернизационных процессов в России, во многом зависящая от смысла, вкладываемого в термин «модернизация».

5. Характер модернизационных процессов, который связывается с различными моделями при интерпретации модернизации российских государства и социума: мобилизационная, маятниково-инверсионная и т.д.

6. Правомерность противопоставления моделей имперской и советской модернизаций, что ставит проблему их сравнительного анализа по целям, средствам, условиям и результатам проведения, а в глобальном плане – их преемственности по отношению друг к другу.

Опираясь на анализ представленных выше направлений, сформировавшихся при оценке теории модернизации в качестве возможной интерпретационной модели для объяснения процессов истории России, необходимо констатировать тот факт, что главной проблемой в этом случае является отсутствие единства взглядов в отечественной гуманитаристике на понимание термина «модернизация». При этом в большинстве случаев определение этого феномена осуществляется на основе двух значений:

а) узкое (классическое) понимание: как переход от аграрного (традиционного) общества к индустриальному (современному);

б) широкое: как «особый способ осуществления социального становления, обеспечивающий широкий доступ для населения к

расширяющимся возможностям реализации человеческого потенциала» [11, р. 25].

Остальные интерпретации можно считать вариациями этих двух толкований, и при более пристальном рассмотрении они будут тяготеть к одному из них. На наш взгляд, обе трактовке вполне могут иметь право на существование и не противоречат друг другу. Все будет зависеть от четкой формулировки цели и задач того или иного исторического исследования, что с неизбежностью приведет и к выбору либо узкого, либо широкого понимания термина «модернизация».

К примеру, первая дефиниция, на наш взгляд, может вполне использоваться как объяснительная модель для процессов, имевших место в истории России XVIII – первой половины XX века. Безусловно, в данном случае нельзя сбрасывать со счетов особенности, которые отличали российский вариант модернизации от того же западного аналога. Западная цивилизация в указанный период либо уже демонстрировала явные черты сформировавшегося индустриального общества, либо была близка к этому этапу своего развития. Если говорить о России, то XVII век следует расценивать лишь только как стартовый момент для начала протомодернизационных процессов, поскольку в данный период российское общество характеризовалось очевидными проявлениями, присущими традиционному социуму.

Широкое понимание феномена модернизации применимо для методологического обоснования исторического развития Российского государства во второй половине XX – начале XXI века. Здесь решающую роль сыграла Первая Мировая война, которая обозначила исчерпаемость потенциала индустриального общества для дальнейшего развития. Это стало основным индикатором, который обозначил кризис Западноевропейской цивилизации, что впоследствии привело к ее вступлению на постиндустриальную стадию формирования. Именно этот тренд и определил нынешнюю мировую ситуацию,

определенную многими приверженцами теории модернизации как «множество современностей».

Литература

1. Булдаков В. П. Модернизация в России: гири на ногах прогресса // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». 2016. № 4. С. 76-96.
2. Буховец О. Г. «Государство-партия» в современной России // Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.: Сборник научных статей и материалов круглых столов / Под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2016. С. 34–51.
3. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал: лекция, прочитанная 17.01.2006 г. в рамках проекта «Русские чтения» — Институт общественного проектирования. URL: <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>
4. Капустин Б. Г. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // Полис. 2001. № 4. С. 6-26.
5. Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3-х т. Т. 1. СПб., 2018. 896 с.
6. Миронов Б.Н. Российская модернизация и революция. СПб, 2019. 528 с.
7. Модернизация России и Европа (стенограмма Круглого стола). URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm
8. Побережников И. В. Теории модернизации // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. редакторы В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград. 2014. С. 133-152.
9. Федотова В. Г. Модернизация и культура. М., 2016. 336 с.
10. Eisenstadt S. N. Multiple Modernities // Daedalus: Winter. Vol. 129. №1. Pp. 1-29.

11. Sztompka P. Modernization as social becoming: 10 theses on modernization // Global Modernization Review: New Discoveries and Theories Revisited / edited by Alberto Martinelli and Chuanqi He. Singapore, 2015. Pp. 25-31.